

ПОДНИМАЕТСЯ ЗАНАВЕС театрального сезона

Заметки зрителя

На сцене — отцы и дети

На днях первые новокузнецкие зрители войдут в свой театр. Его коллектив много ездит на Кузбассу. Недавно «выезды» спектакли новокузнецкого театра «Нафта», «Ленинградский проспект» смотрели жители Междуреченска и Клатана. Полтора месяца гастролировал театр в Ленинске-Кузнецком.

Новокузнецкий театр драмы закончил свои гастроли по городам области. Жители Ленинска-Кузнецкого даже привыкли к выезду. Но вот пришел день расставания. Сыгран последний спектакль — «Потерянный сын» Арбузова. Отгремели аплодисменты. Произнесены прощальные речи. Опустился занавес...

Наутро в городе уже не было театра. Остались только афиши на заборах да память о нем. Прощай еще месяц. Афиши сорваны, а память... Многие забылись. От некоторых спектаклей остались только названия пьес: «День рождения Терезы», «Не срыгивь лица», «Третья голова». Но то, что осталось в памяти, запомнится надолго, может быть, навсегда.

Именно так вспоминается сейчас горестная история жизни Анны. И сама Анна кажется уже не персонажем из пьесы К. Фина «Ошибки Анны», сыгранной артисткой И. Ивановой, а человеком, которого мы знали не один год, видели воочию все его боли и страдания, и обманутые надежды и все, все, чем бывает полна жизнь женщины, славящей свою судьбу с горьким пьяницей. И отвратительного этого пьянши-

(артист А. Ноль), кажется, знали мы все долгие годы его падения. Мы помним его еще молодым, красивым, талантливым человеком. Помним, как постепенно год от году, терл он

молодость, красоту, талант, обличье человека. А рядом с Петром и Анной были мы свидетелями третьей жизни — жизни Колпсына Петра (артист И. Ляхов).

Панорама трех человеческих жизней проходит перед нами во всех подробностях... Неужели все это мы узнали за какие-то два с половиной часа спектакля? Удивительна все-таки емкость искусства.

Встает перед нами и другая история. И в ней так же тесно переплетены судьбы людей двух поколений — наших современников — это комедия М. Смирновой и М. Крайндель «Четверо под одной крышей». Нам отлично знакома эта профессорская квартира из трех комнат. Она тесно заставлена уникальной мебелью красного дерева, увешана гобеленами. Знаком нам и пес Рюс — створил всего этого хмельистый Дин здесь похожи один на другой. Где-то бурлит жизнь, а

здесь в один и те же часы заболитная хозяйка сервирует завтрак, обед, ужин. В 11 супруги уже в

постели, а вокруг тишина. И вдруг тишина оказывается взорванной! Тонкий разом распахнулось все окна и двора, и в застывший покой ворвался свежий, дерзкий ветер.

В квартире поднялись помыл, правда, временные жильцы. Героиня знакомится ближе с молодыми людьми, с их суматошной, до краев наполненной жизнью, начинает понимать, как она себя обокрала! Ведь и у нее могла быть такая же интересная, богатая жизнь, а она ее пожертвовала ради покоя этой квартиры, удобства своего мужа.

Об этом рассказывает театр в третьей истории об отцах и детях, о «предках» и «потомках» — в спектакле по пьесе П. Штока «Ленинградский проспект».

Здесь глава семки (арт. В. Чистиков) — представитель славной рабочей гвардии, той, что в 17-м изгнормовала Энгельса. Много тяжелого пришлось перенести ему с женой. Война, голод, разруха, трудности первых пятилеток. И снова война, снова лишения. Ничего этого не знал их младший сын Борис. Легким было его детство. Легкой жизни захотел он, когда вырос. Легких денег захотел, легкого успеха... Слаником тмачной птеной испунил Борис своею опибку...

Четвертая история об отцах и детях запомнилась нам, — история потерянного отца из «Потерянного сына» Арбузова. Немало из этой пьесы уже забылось, забылся и сам потерянный сын, но его потерянного и надеждитого отца — старого врача Шварца (артист А. Анатольев) забыть невозможно. Шварц прожил свою жизнь легко и приятно, как раз так, как мечтал герой предыдущей пьесы. Правда, он родился воина на поляска раньше Бориса, когда не носили еще ни таких члнких брюк, ни таких кудлатых пиджакор и тех, кого называют сейчас «чуваками», плаывали «пшю-тами» и «мотами». Но гаденькое внутри тех и других в сущности одинаково, как одинакова в их несложная философия: «Живи для себя, а другие пускай живут для тебя».

Как раз так и прожил на поляска раньше Шварц. Срывал «пшеты удовольствия», обманывал женщин, оставлал своих детей, и все ему казалось, что он счастлив. Но когда на склоне лет повстречал он вдруг своего, когда-то брошенного им сына, оказалось, что нет ничего дороже этого, случайно встреченного и навсегда потерянного человека...

Все эти мысли рождаются, когда перед нами встает хорошо запомнившиеся живые картины из показанного театром.

Ну, а мысли о жизни — лучшая память о театре.

В. ВОЗНЕСЕНСКИЙ,
г. Ленинск-Кузнецкий.